

Возможна ли модернизация в России? (материалы «круглого стола»)

В этом номере журнала «Мир России» мы публикуем материалы «круглого стола», проводившегося в рамках презентации монографии А.А. Яковлева «Агенты модернизации», организованного Департаментом экономической теории ГУ ВШЭ и редакцией журнала «Мир России» 17 декабря 2007 г. Мы публикуем материалы выборочно: ряд авторов предложили для публикации развернутые тексты выступлений, ряд выступлений публикуются на основании проводившейся аудиозаписи.

Участники: О.И. Шкаратан (ГУ ВШЭ), Л.В. Поляков (ГУ ВШЭ), В.А. Красильщиков (ИМЭМО РАН), Я.Ш. Паппе (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН), Р.М. Нуреев (ГУ ВШЭ), Т.Г. Долгопятова (ГУ ВШЭ), Е.А. Иванова (ГУ ВШЭ), А.В. Верников (ГУ ВШЭ, Институт экономики РАН), Л.М. Фрейнкман (АНХ) и др. Ведущие «круглого стола»: Р.М. Нуреев, О.И. Шкаратан.

В.А. КРАСИЛЬЩИКОВ

Разговоры о модернизации России начались еще на излете советской эпохи, что отражало, во-первых, полную исчерпанность предыдущей модернизации, осуществленной при Сталине, во-вторых – настоятельную необходимость новой модернизации.

На фоне этой дискуссии рассматриваемая книга Андрея Александровича Яковлева выделяется, причем в положительном смысле, во многих отношениях. Книга – пример удачного сочетания общетеоретических рассуждений и конкретных эмпирических исследований. Обработаны огромный статистический материал и данные конкретных социологических исследований. Кроме того, книга написана хорошим русским языком. В ней нет того «научообразия», которое обычно скрывает, во-первых, убогость содержания, во-вторых – непонимание самим автором того, о чем он пишет. В данном случае видно, что автор прекрасно разобрался в предмете своего исследования.

Два раздела, из которых, помимо заключительных замечаний и обширного приложения, состоит книга, можно было бы озаглавить «За упокой» и «За здравие!». (Они называются соответственно «Русский бизнес, или Сто способов уклонения от неадекватного государства» и «Кто и как поможет России догнать Америку?».)

В первом разделе речь идет фактически о процессах демодернизации страны и их различных проявлениях, особенно на микроэкономическом уровне. Автор

очень подробно исследует механизмы уклонения от налогов и коррупции в самих фискальных органах, показывает, как функционировал рынок, где преобладали расчеты исключительно наличными деньгами (экономика «черного нала»). Одновременно в книге весьма убедительно показано, что бартерная торговля и хронические неплатежи были в «ревушие 1990-е» неотделимы от теневых потоков товаров и наличности. Интересен вывод, сделанный А.А. Яковлевым из анализа всех этих явлений: по его мнению, с которым можно не согласиться, но и нельзя ни в коем случае отвергнуть с порога, это была абсолютно рациональная деятельность экономических субъектов в иррациональной среде (с. 93). Жаль только, что проблема технологической, структурной деградации экономики в 1990-е годы затронута лишь вскользь.

Отдельная глава (3-я) посвящена корпоративному управлению. Фактически в этой главе рассматривается то, что в международном английском языке обозначается скорее словом *governance*, а не *management*. То есть речь идет об организационной структуре компаний, взаимоотношениях акционеров и управляющих, об институциональном обеспечении бизнеса в целом. К сожалению, в главе почти не уделяется внимание процессу управления как таковому (*management*'у), хотя вряд ли *governance* и *management* могут иметь какой-либо смысл друг без друга. Например, трудно представить себе хорошо структурированную, с точки зрения *governance*, компанию с плохим качеством управления непосредственным процессом производства. Ведь и то, и другое является, во-первых, своеобразным показателем зрелости производственных (капиталистических) отношений, во-вторых — результатом и проявлением общей культуры страны.

Разумеется, проблема управления и управляемости во всех ее аспектах теснейшим образом связана с проблемой защиты прав собственности. Как известно, в России последняя проблема, мягко говоря, решается далеко не лучшим образом.

Автор прав, когда пишет о произошедшей в России приватизации государства и его функций. В этом отношении сегодняшняя ситуация принципиально не отличается от ситуации 1990-х годов, только «модель неформальной приватизации власти в интересах бизнеса, характерная для 1990-х годов, постепенно сменяется моделью неформального же захвата бизнеса и подчинения его интересам ведомств» (с. 132). По существу, источником нестабильности и угроз для бизнеса сегодня оказываются не конкуренты и не бандиты, а госаппарат, чиновничество как социальная группа.

Возникает вопрос: почему такое стало возможным? Почему могла возникнуть иррациональная среда, в которой рациональным поведением экономических агентов было поведение, просто абсурдное с точки зрения и экономической теории, и обиденного здравого смысла? Почему, наконец, как высказалась одна моя коллега, специалист по Индии, Индия за пятнадцать лет реформ превратила свой базар в торговое подразделение растущей промышленности, а Россия свою промышленность опустила до уровня базара?

Автор не полностью, но в значительной мере помогает ответить на эти вопросы. Помогает не только обстоятельными ссылками на работы О.В. Крыштановской и других ученых, исследовавших превращение бывшей советско-партийной номенклатуры в субъектов квазирыночных реформ. (К этому, конечно же, нужно

было бы добавить деятельность «героев» теневой экономики и просто бандитов, не боясь назвать вещи своими именами.) А.А. Яковлев, сравнивая ход рыночных преобразований в России с реформами в Китае, странах Восточной Европы и бывших республиках Советской Прибалтики, пишет: «В целом, на наш взгляд, в отличие от стран Восточной Европы и Прибалтики в России и других республиках бывшего СССР в конце 1980-х годов не было социальной базы для политики, направленной на формирование конкурентной рыночной экономики и конкурентной (т. е. демократической) политической системы» (с. 184). Тем самым, фактически, он подтверждает правильность слов И.К. Пантина, который, ссылаясь на В.О. Ключевского, писал, что необходимость в реформах в России возникла раньше, чем в стране созрели внутренние предпосылки для них [*Пантин* 1999, с. 113–114]. В данном случае явное технологическое отставание СССР от Запада в сочетании с эффектом демонстрации в сфере потребления, особенно для элитных групп, оказалось куда более значимым фактором, побудившим М.С. Горбачева и его сподвижников инициировать сначала «ускорение», а затем и «перестройку», чем требования низов. Большая же часть населения не хотела никаких реформ и модернизаций. Точнее, народ хотел иметь вдоволь колбасы, японские телевизоры и немецкие авто, но отнюдь не был озабочен, в своей массе, тем, чтобы научиться производить такие же или даже лучше. Результат — налицо, благо, что пока приток нефтедолларов позволяет иметь это, правда, далеко не всем...

Очевидно, что система, в которой господствовала «иррациональная рациональность» (сиречь узкокорыстные интересы небольших, но весьма влиятельных групп), не могла функционировать без серьезных сбоев. Один из таких сбоев и произошел в августе 1998 г. Финансовый кризис, который тогда пережила Россия, совершенно справедливо трактуется автором как «болезненная реакция экономики на неадекватность экономической политики начала и середины 1990-х годов» (с. 169). Отрадно, что Яковлев не только отмечает неотвратимость этого финансового кризиса, но и подчеркивает его крайне незначительную связь с теми процессами, которые в то время происходили в странах Латинской Америки и Восточной Азии. Такой подход к событиям 1998 г. (знание о которых весьма полезно в свете приближающегося нового кризиса) гораздо больше соответствует действительности, чем объяснения со ссылками на недомогание азиатских «тигров». (Когда я в сентябре 1998 г. оказался в Куала-Лумпуре, постоянно думал про себя: «Нам бы такой кризис!».) По существу потрясения конца 1990-х годов были неизбежной платой, причем еще не самой высокой, какая могла бы быть, за генезис системы криминально-бюрократического капитализма в России. Этот генезис явился результатом быстрого, хотя и долго, с конца 1940-х — начала 1950-х годов, вызревавшего разложения советской индустриальной системы.

Второй раздел книги посвящен перспективам российской модернизации. Автор, не скрывая того, что отдает некую дань традиции российских модернизаций («вдогонку за прошедшим веком»?)¹, ставит вопрос о том, кто и как поможет Рос-

¹ «В силу врожденного оптимизма (унаследованного от бабушки — выпускницы первой советской десятилетки и активной комсомолки 1930-х гг.) мы полагаем, что эти процессы [т. е. процессы модернизации. — В. К.], несмотря ни на что, будут идти» (с. 230).

сии догнать Америку. Правда, остается неясно, так ли уж нужно нам догонять Америку, которая переживает сейчас не лучшие времена, пребывая в состоянии выдыхающегося лидера, а если все же и нужно, то в чем. Кстати, многие европейцы уже ответили на подобный вопрос для себя: лучше иметь среднедушевой доход на 20–25% ниже, но более равномерно распределенный, а также шестинедельный отпуск вместо трехнедельного, не участвуя при этом в «крысиных гонках» за призрачным счастьем от обладания все новыми и новыми вещами и сохраняя свое здоровье. Так что, признавая бесспорные достижения США в разных областях, к вопросу о необходимости догонять, думаю, нужно подходить вдумчиво и взвешенно.

Нельзя не согласиться с А.А. Яковлевым в оценках как нынешнего правящего режима, так, в частности, и рекламируемых режимом «национальных проектов» (с. 209–227)². Я разделяю скепсис автора в отношении этих проектов, но думаю, что к ним нужно подходить в соответствии с русской поговоркой: «С паршивой овцы (т. е. с нынешнего квазигосударства) хоть шерсти клок». Даже если народу от них перепадет лишь малая толика, все же, как-никак, будет польза.

Стоит обратить внимание на те стратегические просчеты, которые, по мнению А.А. Яковлева, допустили и правящий режим, и крупный бизнес в отношениях друг с другом и с обществом (с. 224–227). Автор пишет: «На наш взгляд, стратегический просчет В. Путина и его окружения был в том, что они попытались сконструировать новую модель функционирования экономики и общества, отталкиваясь лишь от собственных представлений и не привлекая к реальному участию в этом процессе других заинтересованных лиц. Навязывание этой модели бизнесу и обществу без формулирования внятного публичного проекта, ориентированного на развитие страны и отвечающего на новые вызовы, объективно стимулировало пассивность и потребительские настроения в обществе, а также демотивировало бизнес (за чей счет в значительной мере эта модель должна была реализовываться)» (с. 224). Я, правда, сомневаюсь, что люди, оказавшиеся волею случая у кормила власти на рубеже 1999–2000 гг., вообще могли внятно сформулировать какой-либо публичный проект, нацеленный на модернизацию страны. Этому препятствовала их собственная политическая и интеллектуальная ограниченность, замешанная на узкоэгоистических краткосрочных интересах.

Но и крупный бизнес, представленный так называемыми сырьевиками (люмпен-буржуазия, по выражению А.Г. Франка), не был способен инициировать национальные проекты, что он, по словам А.А. Яковлева, должен был бы сделать. Не был способен, добавлю от себя, по тем же самым причинам, что и президент со своим окружением, а не только по причине глубокого недоверия сырьевиков друг к другу и к государству, о чем пишет автор (с. 227).

Принимая в целом данную в книге оценку нынешнего правящего режима в России, хотелось бы, тем не менее, возразить автору по поводу перспективы сохранения этого режима до 2016 г. Непонятно, кстати, почему выбрана эта дата. Только потому, что 2016 г. — срок очередных президентских выборов? Но не факт, что таковые тогда состоятся, как и не очевидно, что долго просуществует нынешняя

² Сомнительным, однако, представляется утверждение, что «мы находимся в состоянии перехода от недемократического режима к неустойчивой демократии» (с. 221).

конституция. С точки зрения перспектив нынешнего режима, мне кажется, имеют значение только два принципиальных вопроса: 1) кто и что «вылезет» из-под его обломков? 2) какова будет цена его краха для России? Может быть, моя позиция покажется противникам режима чересчур оптимистичной. Но этот «оптимизм» основан на том, что за последние годы даже не начала решаться ни одна из проблем, приведших к распаду Советского Союза, а некоторые стали еще острее. Мы по-прежнему переживаем «вялотекущую» демографическую катастрофу на фоне сохранения общей технологической отсталости страны (сегодня по сравнению уже не только с Западом, но и бурно развивающимся Востоком).

Оставим в стороне вопрос о ценах на нефть и газ, от которых в экономическом плане сильно зависит существование «суверенной демократии». Цены на продовольствие или ситуация на финансовых рынках могут оказаться не менее значимыми, чем цены на нефть. Не будем забывать и об огромном внешнем долге России, о котором напоминает сам автор (с. 231) и который на 1 октября 2007 г. составил почти 385 млрд долл. [Центральный Банк... 2007]. Да, это в основном не государственный долг, а долг отдельных компаний и банков; но половина этих компаний и банков либо принадлежит государству, либо тесно связана с ним. Так что страна уверенно идет к долговой ловушке, в которой уже не раз оказывались другие страны, — с последующей девальвацией валюты, кризисом и т. д.

И все же, оценивая судьбу правящего в России режима, я бы посоветовал избегать экономического детерминизма. В ближайшем будущем — независимо от экономической ситуации — главным фактором его эрозии станет он сам. Уже сейчас мы наблюдаем грызню между различными группировками правящей верхушки, которая все больше напоминает межклановую борьбу в наиболее отсталых странах, принадлежащих к сырьевой периферии мировой системы. Это сопровождается ростом социальной напряженности, которая усугубляется из-за узкокорыстной и некомпетентной политики правящих групп, не способных порой предвидеть последствия своих же действий (или бездействия) даже для себя любимых. Иногда возникает мысль, что на фоне нынешних властителей России малограмотные дедушки из брежневского политбюро выглядели бы просто средоточием политической мудрости (не считая их главной ошибки — ввода войск в Афганистан).

В связи с этим следует заметить, что автор очень верно подметил такой фактор недовольства людей действительностью, особенно в крупных городах, как отсутствие какой-либо заметной вертикальной социальной мобильности (с. 225). Я даже допускаю, что этот фактор может оказаться не меньшим, а большим общественным раздражителем, чем постоянное повышение тарифов на газ и электричество или подорожание хлеба. Ведь если повышение стоимости товаров и услуг, прежде всего для более или менее обеспеченных работников, в целом вписывается в обычную спираль зарплат и цен, то невозможность сделать карьеру честным трудом компенсировать ничем нельзя. Для этого нужно проводить активную структурно-промышленную и региональную политику, создавать рабочие места в новых, перспективных сферах деятельности, реконструировать малые города, т. е. приступить к реальной модернизации, но этим власти заниматься не хотят и не могут.

Кроме того, в стране обостряется проблема автономности частного пространства. Власть на всех уровнях пытается вторгнуться туда, не предлагая ничего

взамен. (В советские времена такое вторжение как-то уравновешивалось системой социальных гарантий, льготными путевками в дома отдыха и на экскурсии, наконец, возможностями карьерного роста.) Это и «точечная застройка» в больших городах, когда ликвидируются скверы и детские площадки, и махинации со счетами за коммунальные услуги, и принуждение к «правильному» голосованию на так называемых «выборах», и покровительство жуликам — «продавцам квартир», и милицейский произвол. Одновременно власти не желают выполнять свои обязательства перед гражданами. Достаточно вспомнить события в Кондопоге в начале сентября 2006 г., когда бездействие властей обернулось стихийными погромами, и историю в московском микрорайоне Южное Бутово, когда муниципальные власти и милиция несколько месяцев (!) игнорировали заявления местных жителей о «тусовках» пьяных хулиганов, не дававших людям спать по ночам. Фактически можно констатировать дрейф России — под шум официальной пропаганды об укреплении «вертикали власти» — к компании провалившихся государств (failed states), где уже давно находятся некоторые африканские страны и кое-кто из наших соседей по СНГ. Очевидно, что такие тенденции абсолютно не совместимы с какой-либо модернизацией, даже самой убогой.

Разумеется, нельзя утверждать, что в России за последние пятнадцать лет вообще не произошло никаких положительных изменений. Но эти изменения носят, во-первых, очаговый, анклавный, и, во-вторых, стихийный характер. Зато процессы деградации старых структур, как и воспроизводство этих структур, причем на стадии разложения, идут быстрее, чем протекают процессы созидания нового. Получается, что «ростки нового» оказываются погребенными под грудами гниющих развалин. Надо сказать, что автор книги сумел зафиксировать эту опасную ситуацию: «Складывается ощущение [и если бы это было только ощущение! — В. К.], что в России постепенно восстанавливается — хотя и в более “рыночных” и “демократических” формах — та иерархическая система, которая была характерна для советского времени и которая гасила импульсы к изменениям и к развитию, исходящие не из центра или не согласующиеся с его установками» (с. 345). Более того, на мой взгляд, можно говорить о распаде общества в России и латентной «войне всех против всех»: посетив в общей сложности более двадцати богатых и бедных стран, я могу сказать, что нигде не видел такого хамства, неуважения людей друг к другу, как в России.

В книге высказана интересная мысль, что в таких условиях проводниками и приверженцами модернизации в России могут стать региональные, как властные, так и деловые, элиты (с. 237–239, 348–350). Отчасти это подтверждается и данными социологических исследований [Гудков, Дубин 2007, с. 73–97, с. 84–89, 94]. Но хватит ли у них знаний, опыта, интеллекта и политической напористости, чтобы возглавить процесс модернизации, преодолев сопротивление федеральных «государственников» (выражение Михаила Делягина) и нефтегазовых воротил? Можно поставить и другой вопрос: а найдут ли эти люди, даже в случае политической победы, достаточное количество квалифицированных исполнителей для своих модернизационных программ? Да и хочет ли сам народ российский новой модернизации, способен ли он в своем большинстве сегодня работать на мировом уровне хотя бы в некоторых, наиболее приоритетных для России отраслях экономики?

Здесь мы подходим к проблеме мобилизации для модернизации. Причем не нужно понимать мобилизацию в советско-сталинском духе — только как затягивание поясов ради повышения нормы накопления в ВВП. Мобилизация, и это можно было наблюдать на примере Японии и азиатских «тигров», вполне может сочетаться с ростом заработной платы, повышением благосостояния трудящихся. Но в любом случае она предполагает, что необходимо «прибавить в работе», в том числе и в качественном отношении. А насчет способности и, главное, желания большинства российского народа сделать это у меня есть большие сомнения.

Дело в том, что деградация человеческого капитала в России является, по видимому, уже необратимой. Во многих регионах страны бедность стала хроническим, самовоспроизводящимся явлением, т. е. сложилось положение, характерное для слаборазвитых стран. По данным Федеральной службы статистики, в 2005 г. четыре нижних дециля российских домохозяйств тратили более 50% текущих расходов на пропитание, а три дециля (V–VII) балансировали на грани этого показателя [РСЕ 2006, с. 204]. Напомню, что такой уровень расходов на продукты питания в общей структуре текущих потребительских расходов как раз и является критерием бедности, разработанным Экономической комиссией ООН по Латинской Америке и странам Карибского бассейна (СЕПАЛ/ЭКЛАК). У 40–50% населения России доходы на душу превышают официальную черту бедности, которая заметно «не дотягивает» до латиноамериканских критериев, в интервале от 1 до 2 раз, что значительно хуже, чем в Аргентине, Бразилии, Мексике или Чили и соответствует уровню Боливии или Перу. Средняя заработная плата в России превышала прожиточный минимум в 2004–2006 гг. всего в 2,8 раза — это близко к соотношению заработной платы и линии бедности в городах Гондураса и значительно хуже, чем в Бразилии, с которой нас принято сравнивать [РСЕ 2005, с. 190, 203; РСЕ 2006, с. 177, 189; СЕПАЛ 2001, р. 84; СЕПАЛ 2006, р. 363–364]. Наконец, продолжают возрастать межрегиональные различия, в том числе и по валовому региональному продукту на душу населения. В 1995 г. этот показатель в самом богатом регионе, Тюменской области, был выше, чем в самом бедном (на тот момент — в Дагестане) в 18,3 раза; к середине текущего десятилетия он составил 45–46 раз (соотношение между Тюменской областью и Ингушетией) [РСЕ 2006, с. 320–322].

Необходимо осознать, что Россия стремительно скатывается к периферии мировой системы. Никакая демократия ей уже не поможет. Да и какая может быть демократия при массовой бедности и деградирующей структуре экономики? Спасти страну от исчезновения с политической карты мира мог бы только авторитаризм развития — жесткий режим наподобие тех, что вытаскивали из нищеты и отсталости Сингапур, Южную Корею и других «тигров», где жалование школьного учителя было выше жалования полицеймейстера. Но предпосылок для установления такого просвещенного авторитаризма в России нет. Национал-популистский режим, который с большой вероятностью сменит нынешнюю власть, вряд ли сумеет решить проблемы страны. Боюсь, что нам предстоит увидеть не рывок по пути модернизации, а серию глубоких кризисов, что в итоге поставит Россию перед дилеммой «развитие или сохранение территориальной целостности». Не исключено, что разрешение этой дилеммы окажется прерогативой внешних сил, которые будут

действовать в соответствии со своими интересами. Времени, чтобы предотвратить такой исход событий, осталось в обрез.

Литература

- Гудков Л., Дубин Ю. Иллюзия модернизации // Pro et Contra. 2007. № 3.
Пантин И. Россия: окончание исторического цикла? // Pro et Contra. 1999. № 3.
РСЕ (Российский статистический ежегодник). М.: Федеральная служба статистики, 2005.
РСЕ (Российский статистический ежегодник). М.: Федеральная служба статистики, 2006.
Центральный Банк. Внешний долг Российской Федерации в январе – июне 2007 г. Интернет-ресурс: www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.asp?file=debt_07.htm
CEPAL. Panorama social de América Latina 2000–2001. Santiago de Chile: NU (Naciones Unidas), 2001.
CEPAL. Panorama social de América Latina 2005. Santiago de Chile: NU, 2006.

Т.Г. ДОЛГОПЯТОВА

Обсуждая работу Андрея Александровича, я бы хотела спуститься с теоретических высот на грешную землю, т. е. предпочитаю изъясняться в терминах, которые мне наиболее близки – с позиций эмпирических исследований поведения предприятий и их обобщения именно в рамках экономического анализа. Для меня, естественно, ценность этой книги лежит, прежде всего, в плоскости экономических исследований и по основному их объекту (предприятия и участники управления ими), и по предмету – все-таки речь идет об экономических отношениях и интересах, и по выводам работы, связанным с проведением экономических реформ.

Для начала вспомним об историческом контексте, в котором выполнены многие вошедшие, да и не вошедшие в книгу эмпирические исследования. Ведь Андрей Александрович в 1990-е годы сделал ряд интересных эмпирических работ, и, в частности, именно его усилиями были проведены первые обследования по изучению поведения предприятий торговли, в том числе – по анализу преобразования предприятий системы бывшего Госнаба в условиях либерализации рынков, по становлению регулярных конъюнктурных обследований оптовой торговли Москвы. Мне искренне жаль, что в данную книгу не попали материалы многих из этих действительно пионерных исследований (по ним вполне можно было сделать в свое время работу докторского уровня), но позиция автора мне понятна и заслуживает особого уважения. В логику монографии эти материалы не вполне вписывались, и автор действительно пожертвовал ими, чтобы в итоге книга стала более четкой, единой и логически выверенной.

Что самое важное в работе, которую мы сегодня обсуждаем? Мне представляется, это тезис о том, что реальное поведение экономических агентов (или, в нашем контексте, – поведение предприятий, как мы часто называли этот комплекс институтов) рассматривается как важный фактор, который может способствовать или препятствовать модернизации, причем в зависимости от того, какую полити-

ку будет проводить государство. Отчасти предпосылкой подобного исследования стала известная работа В.М. Полтеровича о «битве правительства с трудовыми коллективами», появившаяся в первой половине 1990-х годов. В ней показано наличие мощных препятствий реформам «снизу», которые во многом и обусловили их неудачу в краткосрочном периоде.

Собственно говоря, Андрею Александровичу удалось этот тезис расширить, углубить и убедительно обосновать. Ведь автор сам был инициатором и руководителем или участником многих весьма разнообразных эмпирических обследований, поэтому хорошо представляет все нюансы и вариации. Кстати, здесь безусловным плюсом выступил тот факт, что большая часть материала «хорошо отлежалась» (как, например, кейс о бартере), что в то же время постепенно проявлялись новые аспекты поведения предприятий – например, корпоративное управление и его развитие на фоне быстрой кристаллизации интересов участников управления предприятиями. Эти интересы так или иначе становились или тормозом модернизации на микроуровне, или ее стимулами при определенных экономических или политических условиях. Здесь также уместно упомянуть на первый взгляд стоящий несколько особняком кейс «челночного бизнеса», ставший ярким примером адаптации к системным изменениям. Этот пример (при всех издержках такого пути развития бизнеса) продемонстрировал, насколько быстро раскрытие возможностей для реализации интересов (в данном случае – населения) помогает становлению рыночных отношений и мелкого предпринимательства, а в более широком контексте – формированию новых рыночных институтов.

Безусловное достоинство книги состоит в том, что автор смог подняться над эмпирическим материалом (что греха таить, иногда за подробными данными эксперту и не видно глобальных тенденций) и извлечь из него важные выводы не только для развития теории переходных экономик, но и для практики государственного управления. Государственные органы и ведомства должны учитывать роль интересов экономических агентов как генераторов новых институтов или модификации действующих, и если это удастся, то цели экономической политики могут достигаться существенно быстрее и с меньшими потерями для экономики и общества.

Эти выводы, что особенно приятно, не последовали из политических или теоретических пристрастий автора, они вытекают из анализа экономической действительности. И поэтому монография А.А. Яковлева интересна и с точки зрения нашей недавней экономической истории: в ней даются в целом взвешенные оценки произошедшего, при этом не отрицается необходимость реформ и показаны те издержки переходного периода, которые могли бы быть и несколько уменьшены.

Тем не менее мне хотелось бы сделать одно замечание. В этой книге (кстати, как и в ряде других последних работ Андрея Александровича) встречается противопоставление политики федерального государства (которое действительно движется по пути специфической концентрации собственности крупных компаний в своих руках) и возможной политики региональных администраций по развитию бизнеса в регионах. Мне представляется, что у последнего суждения пока нет достаточных эмпирических оснований. Как ни парадоксально, по моему мнению, здесь подспудно сработала предпосылка о рациональности реакции региональных

административных под давлением конкуренции и глобализационных процессов в форме переноса лучшего опыта и институтов в свои регионы.

В логике же книги стоит задать вопрос, а достаточны ли сегодня эти стимулы для региональных администраций и как они преломятся в интересы и стимулы региональных ведомств или чиновников? Впрочем, если даже регионы пойдут по пути собственной промышленной политики, то каким станет ее практическое воплощение? Здесь можно сформулировать вопросы и для будущих эмпирических работ. Как конвертировать интересы регионов в соответствующие интересы региональных ведомств и тех агентов, которые могут на них воздействовать? Обернется ли политика развития региона привлечением нового бизнеса или изошренным способом ограничения конкуренции (сейчас просто барьеры и запреты, очевидно, уже «не в моде»)? Не будут ли складываться в итоге сегментированные рынки с квазиконкуренцией? И не приведет ли региональная политика (даже при возможных позитивных последствиях для экономики и бюджета регионов) к новому витку коррупции?

Зная склонность региональных администраций к имитации образцов федерального уровня или более развитых в управленческом смысле регионов, не столкнемся ли мы с усилением влияния органов власти непосредственно через собственность? Не покажется ли им привлекательным специфический опыт Москвы, где сращивание бизнеса с государством всегда было приоритетом экономической политики городского правительства? Наконец, не попадут ли некоторые из регионов в «ловушку депрессивности», с которой не могла справиться даже советская система?

Ответов на все эти вопросы еще нет. Можно лишь пожелать автору найти ответы на них в дальнейшем, в том числе — и опираясь на эмпирические исследования предприятий и регионов.

О.И. ШКАРАТАН

Автор обсуждаемой нами книги удивительно разносторонний и глубокий аналитик и исследователь нашей постсоветской действительности. Не случайно, что его новая работа привлекла внимание представителей разных социально-экономических дисциплин, занятых достаточно широким кругом проблем развития России. Каждый из нас с начала 1990-х годов неоднократно, соглашаясь или не соглашаясь с выводами и аргументами А.А. Яковлева, включал его публикации в свой обзор достойных внимания авторов. И вот теперь перед нами фундаментальная монография, в значительной мере итожащая работу многих лет молодого ученого. И проблема в том, что книга в глубоком смысле междисциплинарна, что соответствует основным направлениям движения современной науки.

Экономисты обратили внимание на те разделы книги, в которых описаны феномены экономики 1990-х годов: бартер, «черный нал», челноничество, приватизация. Эти феномены не только подробно описаны, но и объяснены и оценены в своих негативных и позитивных проявлениях. Во втором разделе монографии

предлагаются авторская концепция модернизации России и его ответ на вопрос, кто мог бы стать агентом отечественной модернизации. Вот на этом вопросе я бы хотел остановиться, чтобы высказать свое представление об акторах модернизационного процесса.

Очевидно, что перспективы развития нашей страны от сырьевого придатка ядра мир-системы к клубу государств с современной экономикой зависят от российских правящих слоев. Состав же этих слоев предопределен характером экономики. Экспортный оборот, составивший в 2006 г. 208,8 млрд долл., на 85% был сформирован за счет продажи нефти, газа и других полезных ископаемых. Доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте – всего лишь 12,5%. Несмотря на относительные успехи последних лет, в частности, расширение экспорта отечественного ВПК, реально российская экономика полностью зависит от сырьевого сектора, а соответственно, правящий слой формируют те, кто контролирует экспорт минерального сырья, прежде всего газа и нефти. Эти экспортеры отечественных сырьевых ресурсов, как справедливо отмечают многие авторы, относятся к разряду «компрадоров-буржуа», т. е. предпринимателей, чье благополучие зависит не от внутренних, а от внешних экономических и политических факторов.

По мнению специалистов, среди признаков классической компрадорской буржуазии присутствуют: потребительское отношение к национальным ресурсам (как сырьевым, так и людским), прямая зависимость от иностранного капитала и иностранных центров политического влияния, перевод большей части прибыли в зарубежные активы. К тому же, следует принять во внимание, что крупные экспортеры минерального и природного сырья, а также обслуживающая их финансовая аристократия, не ощущают под собой твердой правовой опоры ввиду спорной легитимности приватизированной собственности на природные ресурсы. Недаром многие из них стремятся выгодно продать свой бизнес, переводя капиталы на Запад. Эта группировка придерживается ультралиберальных, отчетливо антиэтатистских взглядов.

Еще одна, и на момент обсуждения книги самая влиятельная группа компрадоров – это государственники, контролирующие газовый и нефтяной экспорт. Эти люди сохраняют все черты классических компрадоров, поскольку ставят запросы внешнего рынка выше интересов национального развития. Заметим, что за последние пятнадцать лет в стране не было открыто ни одного значительного месторождения газа и нефти. У всех этих группировок компрадорской направленности нет надежной, по-настоящему долгосрочной социальной поддержки внутри страны.

Естественным антагонистом всей совокупности российских компрадоров выступает отечественная национальная буржуазия, тесно связанная с национальной промышленностью и замкнутая на внутренний рынок. Среди ее специфических черт исследователи отмечают преимущественную ориентацию на внутренние рынки сбыта, рачительное отношение к национальным ресурсам, стремление к улучшению промышленного и человеческого потенциала страны. Для нее также характерны отсутствие сколько-нибудь выраженной зависимости от иностранного капитала и внешних центров политического влияния, инвестиции большей части

прибыли в национальное производство. По самым оптимистическим расчетам, их вес в национальной экономике недостаточно значим (около 24% ВВП и 12,8% экспорта). Объективно интересы российской национальной буржуазии, ориентированной на развитие технологически сложных отраслей экономики и качественное расширение внутреннего рынка сбыта, совпадают с интересом большинства россиян. Это, видимо, и есть те, кого можно именовать акторами модернизации.

Что же касается нашего чиновничества, включая его верхние слои, то хотел бы повторить свои суждения многолетней давности. В 1993 г. я с огорчением писал о том, что реформы приходится проводить в стране, прошедшей «через три революции, две войны и сталинские казематы», в стране «с существующей практически до сих пор системой социальной мобильности, которая в основу социальной подвижности кладет не принцип профессионализма, интеллектуальные приоритеты, а угодничество, чиновничество. Можно сказать, что сложилось медитократическое общество, где власть принадлежит людям со средними интеллектуальными возможностями, что не позволяет ей вести общество за собой. “Власть прозевала” — писал 23 июня 1941 г. академик В.И. Вернадский. Нечто подобное продолжает повторяться, что свидетельствует об утрате властвующими структурами способности оценивать действительность» [Шкаратан, Коломиец 1993, с. 18]. Нет уверенности в том, что эта характеристика устарела.

Чрезвычайно важно учесть, что постсоветские правящие группы не способны и не стремятся представлять общенациональные интересы. Это связано, с одной стороны, с их преемственностью по отношению к советской номенклатуре, а с другой — с отсутствием в стране, в отличие, например, от Польши или Чехии, традиций массовой оппозиционной деятельности и формирования групп контрэлиты в обществе. Незрелость гражданского общества и правовой защищенности граждан привела к тому, что российской «элите» пока не присущи гражданственность и государственное мышление, она способна решать лишь свои краткосрочные проблемы. Ее незаинтересованность в разрешении ситуации с трагическим обнищанием большинства сограждан, ее безразличие к судьбам отечественной науки и инновационной экономики объясняются синдромом быстро обогатившихся людей, заботящихся только о себе и своем окружении. Такой ценностный «набор» во многом предопределяет не только существо, но и форму, методы осуществления государственного управления.

Известный экономист и политолог В.Л. Иноземцев отмечает, что у власти в России оказались люди с позднесоветской ментальностью. Они отличаются изрядной жесткостью и безапелляционностью в принятии решений; ограниченным кругозором, не позволяющим анализировать явления, которые не вписываются в рамки удобной им «правильной» схемы; неприятием альтернативных точек зрения; наконец, они считают рост личного благосостояния одной из важнейших своих задач. «Президент В. Путин выделяется среди своих соратников только тем рангом, который он имеет сегодня... Современной Россией правит не лидер, а сплоченная номенклатурная группа, в ней не видно людей, заметно выделяющихся своими талантами и способностями». Эта группа не обнаруживает способности к «выбраковке» своих членов в случае профессиональной непригодности, «...каждый из бюрократов понимает, что занял свое место не по меритократиче-

скому принципу, а в общем-то случайно... Таким образом, современная российская элита представляет собой сплоченную серую массу, которая рекрутирует новых членов по принципу ментального и интеллектуального сходства с ней самой» [Иноземцев 2007, с. 41–43]

Среди отечественных аналитиков все чаще высказывается сомнение в корректности применения термина «элита» к российскому правящему слою. По мнению многих исследователей, правящие круги не обладают модернизационным потенциалом, это группы людей, не прошедшие социального отбора, ничем не подтвердившие свои преимущества перед другими членами общества и т. д. Известные российские социологи Л. Гудков и Б. Дубин отмечают: «Важнейший социологический признак... элиты — ее открытость, то есть публичный характер оценки и сертификации кандидатов, квалификации их деятельности, доходов, моральных характеристик (честность, умеренность, порядочность)...

Элита, а вернее, элиты не могут возникать и функционировать без конкурентной системы образования, конкурсной практики занятия ключевых позиций и должностей... Именно профессиональная группа или культурная среда должны засвидетельствовать ценность и оригинальность достижений данного кандидата на вхождение в состав элиты».

Но эта концептуальная конструкция не имеет отношения к нашей отечественной практике. «Российская “элита” представлена лишь окол властными кругами, поскольку нет никаких других образований либо инстанций, санкционирующих авторитет кандидатов в элиту. Соответственно приходится говорить о... “позиционной элите”, то есть о номенклатуре» [Гудков, Дубин 2007, с. 76–77].

Можно ли при таких «агентах модернизации» развивать экономику страны, трансформировать ее? Мы полагаем, что в принципе существует возможность создавать информационную экономику при сохранении архаической социальной и политической «оболочки». Присвоение прогрессивных технико-экономических и культурно-бытовых заимствований с Запада при консервации институциональных и ценностно-нормативных структур неоднократно наблюдалось в истории России со времен реформ Петра I. Другими словами, речь идет о наблюдающихся в современной России тенденциях этакратической реставрации (или репродукции этакратизма) и элементах подобных процессов в других странах исследуемого ареала. Такие тенденции являются формой утверждения альтернативного набора ценностей и принципов существования по отношению к развивающемуся глобальному рынку и демократическому мировому сообществу. Страны, создающие инновативную экономику, но сохраняющие этакратические социальные институты, неизбежно становятся фактором вызова оптимистическим перспективам информационной эпохи.

Важнейшей проблемой является формирование таких сил в составе влиятельных кругов российского общества, которые смогут выразить интересы не номенклатуры, а складывающегося нового среднего класса и национальной буржуазии, и трансформировать авторитаризм застоя и выживания в авторитаризм национального развития.

Центральный вопрос, на который необходимо получить ответ в предстоящих дискуссиях: существует ли выход из того положения, в котором находится страна,

есть ли в ней социальные силы, способные переломить ситуацию и вывести Россию на дорогу, ведущую в рыночную информационную экономику на демократических основах организации социально-политической жизни?

Вариативность возможных сценариев развития России предопределяется исходом противостояния компрадорского и национального капиталов, в другом измерении – латиноамериканского и японского путей развития капитализма. Вот тот фон, на котором могут в дальнейшем развиваться события социальной жизни. До сих пор властвовал компрадорский капитал, взаимодействовавший с коррумпированным чиновничеством. И пока сохраняется такая тенденция, нас ожидает латиноамериканский, в частности, аргентинский, как часто называют, путь развития, основанный на доминировании сырьевого сектора.

В условиях быстро развивающегося глобального информационного общества основным актором – инициатором инновационного развития экономики и общества – является «новый средний класс». Он выступает основным носителем инновационно-креативного потенциала (ИКП). В ситуации благоприятного развития трансформационных процессов результатом активности социальных групп, воплощающих собой ИКП, является инициирование инновационных процессов в экономике и социальной жизни общества.

Ключевым актором формирующейся новой экономики в странах Запада явился так называемый информациональный производитель. На основе детального анализа зарубежной литературы по проблемам нового среднего класса мы сконструировали теоретическую модель типического представителя новейшего слоя этого класса – информационного производителя. В соответствии с этой моделью нами соизмерялись реальные параметры работников отечественного ИКТ и сопряженных отраслей. Анализ западной литературы дает возможность выделить основные факторы принадлежности к информационным производителям.

Первый фактор – на смену формальному неравенству в доступе к полному среднему и высшему образованию пришло более тонкое и гибкое фактическое неравенство в качестве образования и в объеме реального интеллектуального капитала.

Второй фактор – информационные работники занимают специфические позиции в капиталистическом обществе, которые качественно отличаются от позиций классических представителей сформировавшегося к середине XX в. «нового среднего класса». Выступая в роли сверхэффективных работников, они в то же время реализуют себя как часть совокупного капиталистического класса. Уникальным знаниям и умениям информационных работников соответствуют уникальные по размерам доходы за счет исключительно высокого уровня дивидендов на такой человеческий капитал. Их объем, с одной стороны, дает возможность привести стиль жизни и характер потребления в соответствие с теми, что сложились у капиталистического класса, а с другой стороны, в сочетании с активным сберегательным поведением приводит их в ряды совладельцев фирм, предприятий, превращая в активных участников фондового рынка.

Третий фактор – специфические позиции информационных производителей в системе трудовых отношений. С одной стороны, ничто не изменилось со времен классического капитализма: долю их труда присваивают работодатели, почему

они и нанимают их в первую очередь. Но с другой стороны, механизм присвоения экономического излишка гораздо более сложен. Во-первых, отношения найма имеют тенденцию к индивидуализации, под этим подразумевается, что каждый производитель получает отдельное задание. Во-вторых, возрастающая доля производителей контролирует свой собственный рабочий процесс и входит в специфические горизонтальные рабочие отношения, становясь независимыми производителями, реализующими свои собственные рыночные стратегии.

Четвертый фактор – специфические черты содержательности труда информационных работников. Последнее предполагает готовность и подготовленность к смене видов деятельности, автономность, самостоятельность и предсказуемость в работе, способность работника самостоятельно ставить проблемы и находить пути их решения, умение действовать в экстремальных ситуациях и принимать нестандартные решения, готовность и подготовленность к постоянной креативной деятельности, территориальную и профессиональную мобильность, включенность в систему непрерывного образования и повышения профессиональной компетентности. Также сюда можно отнести работу с новыми информационно-коммуникационными технологиями.

Проблема сводится к тому, есть ли шанс, а если есть, то где предположительно мы сможем в России обнаружить носителей черт информационных работников в соответствии с теоретической моделью, сконструированной по западным материалам.

С учетом проведенного анализа мы осуществили зондажный опрос – полужформализованные интервью с информационными работниками, сравнительно широко представленными, прежде всего, в единственном городе России, вписанном в сеть мировых мегаполисов и обладающем признаками постиндустриального города – Москве. Для сопоставления были проведены опросы в крупных жизнеспособных городах-метрополисах: Санкт-Петербурге, Перми, Нижнем Новгороде.

Проведенные глубокие интервью убеждают в том, что эти представители новых средних слоев постиндустриального типа (информационные производители) являются опорой и гарантом структурных изменений в экономике и обществе. Они обладают высокой адаптивностью, значительными социальными притязаниями, социальной активностью и интенцией к ориентации на легальные способы ее проявления. Для них приоритетами являются поддержание социально-экономической динамики, т. е. экономического роста, эффективной занятости, перспективы роста реальных доходов, снятия различных преград для повышения социального статуса.

Поэтому не исключено, что стране удастся изменить траекторию движения, встать на путь становления информационной экономики, информационного капитализма, интенсивного развития нового среднего класса при демократической организации жизни общества. В этом случае изменится и характер социальных отношений, постепенно станет реальностью социальное государство, что для России с ее общинным сознанием и традициями взаимопомощи наиболее адекватная перспектива.

Основой изменения траектории развития может послужить понимание того ключевого обстоятельства, что капитализм (тем более капитализм неофитов советского разлива) требует разумного твердого государственного контроля. Правительство может и должно сохранить правомочие воздействовать на бизнес, обладающий единственным стимулом, – прибыльностью. Опыт администрации великого американского президента Ф.Д. Рузвельта по вмешательству государства в экономику (не имевший ничего общего с советским тотальным стейтизмом) может и поныне служить образцом для стран с кризисной экономикой. К нормальной ориентации бизнеса на прибыль он добавляет принцип социальной ответственности, гарантирующий обществу относительную экономическую и особенно социальную стабильность на основе государственного регулирования частной собственности.

Другими словами, нельзя допускать, как и поныне проповедают неолибералы, стихийно-инерционного развития страны на основе свободной игры рыночных сил. Общество, десятилетиями жившее в условиях директивно-плановой экономики и патернализма, не может естественным образом в немыслимо короткие сроки адаптироваться к столь резким переменам в окружающей среде лишь посредством спонтанных процессов социальной саморегуляции и самоорганизации. Обеспечение устойчивого развития страны с акцентом на изменения в качестве жизни и «человеческих качествах» (А. Печчеи) требует комбинации саморегулирования на основе рыночных сил и государственного регулирования.

Важным стратегическим направлением долгосрочной государственной политики является обеспечение предпосылок социальной устойчивости общества. Эту задачу приходится решать в условиях застойного воспроизводства смешанного сословно-стейтистского и лишь отчасти классового общества с массой драматических конфликтов. Речь здесь необходимо вести, прежде всего, о направленной политике преодоления доминирования корпоративного псевдокапитализма с определяющей ролью постсоветской неономенклатуры; и об ограничении чрезмерной социально-экономической дифференциации (коэффициент фондов, по заниженным официальным данным, – 13–15, при оптимальном в диапазоне 5–8); и о политике поддержки продуктивных групп средних и мелких собственников, менеджмента и профессионалов, т. е. тех, кто образует социальные компоненты традиционных слоев среднего класса.

Именно интересы и социально-экономические ожидания нового среднего класса (несмотря на его, к сожалению, малочисленность) должны быть ориентиром программы динамичного стабильного развития России и, соответственно, эффективной государственной политики.

Было бы неперспективно (если не опасно) отдать предпочтение интересам элитно-олигархических групп, соединяющих обладание собственностью в масштабах, сопоставимых с крупнейшими западными корпорациями, и средствами властного влияния на национальном уровне, и того «золотого миллиона» нуворишей из компрадорских средних слоев, которые образуют социальную опору незастоя в стране. Столь же бесперспективно ориентироваться на позиции социально слабых групп. Это не означает игнорирования чьих-либо групповых интересов; речь идет о приоритетах и ориентирах.

Литература

Гудков Л., Дубин Б. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» // Pro et Contra. 2007. Май – июнь. № 3. С. 76–77.

Иноземцев В.Л. Природа и перспективы путинского режима // Свободная мысль. 2007. № 1.

Шкаратан О.И., Коломиец В.П. Крах во спасение (Социально-генетические преступления советского режима // Мир России. 1993. № 1.

Л.В. ПОЛЯКОВ

Меня порадовало, что те немногие страницы книги, которые посвящены проблематике политической модернизации в России, написаны на редкость профессионально, корректно и с тонким пониманием дела. Это одна из немногих монографий, которая дает представление о том, что происходило с нами и что происходит сейчас. Андрей Александрович счастливо избежал привязки к трем якобы научным, якобы все объясняющим категориям: «демократии», с одной стороны, «тоталитаризму» и «авторитаризму» – с другой. Очень «легко», по-видимому, все в российской действительности объяснять с помощью этих идеологических конструкций. Однако, к сожалению, их употребление больше скрывает в нашей действительности, нежели объясняет.

Андрей Александрович продемонстрировал действительно научный подход: в его классификации есть режимы демократические, недемократические и есть режимы неустойчивые, нестабильно-демократические. Это позволяет довольно точно классифицировать события, происходившие в 1990-е и 2000-е годы, и делать важные выводы относительно того, в какой точке мы сейчас находимся.

Одна из наиболее распространенных версий происходящего с нами состоит в том, что в 1990-е годы мы достигли максимума демократии, а с 2000 г. у нас начался «авторитарный откат». Эта концепция, которая на самом деле ничего не объясняет, а в основном играет исключительно роль такого, я бы сказал, имиджевого спойлера. Россия предстает как вечный неудачник, постоянно попадающий в порочный цикл «реформа – контрреформа». И вот эта модель нашей российской «исторической кармы» здесь спокойно, без надрыва и без опровержительного пафоса деконструируется элегантно и научно.

Вывод, который делает Андрей Александрович, таков: особенность современной стадии развития российского общества заключается в том, что мы находимся в состоянии перехода от недемократического режима к неустойчивой демократии. И эта, на мой взгляд, безупречно научная платформа, на основе которой Андрей Александрович уверенно строит свою экономическую аналитику.

Если мы соглашаемся с тем, что действительно в России первичной была политическая реформа, политическая модернизация, что именно она выступала фундаментом экономических преобразований, а не наоборот, то тогда понятно, почему у Андрея Александровича так аутентично проанализированы все те «патологические» экономические формы, которые заставляют многих авторов использовать

публицистическую формулу «дикий капитализм». Не в «дикости» нашей дело, а в том, что экономические реформы проводились на политическом «фундаменте» переходности, нестабильности, временности. Максимальная политическая мобилизация начала 1990-х годов, понимаемая идеологически как идеальная «демократия», на самом деле явилась идеальным контекстом для всех тех схем (бартер, офшоры и т. д.) и тех форм взаимоотношений бизнеса и власти, которые придают неповторимую российскую специфичность агентам российской экономической модернизации.

Именно верная пропорция «политического» и «экономического» в книге (несмотря на то что собственно политическая аналитика здесь играет явно подчиненную роль) — условие ее методологической безупречности. На мой взгляд, это одна из немногих книг, читать которую будут с интересом сторонники любых политических взглядов, потому что автору удалось кое-что понять в «вечно загадочной» России.

Р.М. НУРЕЕВ

Прежде чем предоставить слово Андрею Александровичу Яковлеву, я позволю себе воспользоваться правом председательствующего. Во-первых, я хотел бы отметить удивительное качество, которому я постоянно учусь у Андрея Александровича. «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии» (С.А. Есенин). Увидеть за деревьями лес, разглядеть в малом «большое» дано не каждому. Андрей Александрович обладает этим качеством вполне, умеет увидеть это большое, будучи полностью погруженным в него, в эту уникальную практику российской модернизации.

Конечно, изменения наших дней — это изменения огромные. И мне кажется, что успех книги (а он — несомненный) заключается в том, что автор решился анализировать прежде всего микроосновы этих изменений. Что составляет микроосновы изменений в реальной жизни — понять довольно сложно. Их очень трудно понять даже на расстоянии. А уж тем более сразу, по горячим следам. В 1990-е годы, когда все говорили о необходимости стабилизации инфляции и рекомендовали сугубо монетарные меры борьбы с ней, он изучал причины этого явления на микроуровне. И его понимание причин этого явления оказалось на порядок глубже.

Первый раздел книги посвящен становлению российского бизнеса и анализу различных способов его уклонения от неадекватного государства. Здесь исследуется и экономика «черного нала», и взлет и падение бартера, и особенности российского корпоративного управления, и «челнок» как двигатель торговли. Перед нами предстают те непосредственные агенты, которые эту модернизацию осуществляли шаг за шагом. Люди нашли способы и формы адаптации к этому меняющемуся миру, и в книге Вы увидите десятки способов уклонения от неадекватного государства.

Важно подчеркнуть, что автор не стремится принять позу ментора, рассматривающего события свысока. В книге нет увлечения нормативным анализом в

ущерб позитивному. Поэтому книга не негативная и не позитивная, она, скорее, объективная, нежели субъективная. Автор изучает эти процессы как естествоиспытатель, для которого важны и плюсы, и минусы происходящего. Подчеркну еще раз, что такой подход особенно важен, когда имеешь дело с микроосновой макропроцессов.

Второе, что следует отметить, – это институциональный подход, последовательно проведенный через всю книгу. Правда, обладая колоссальной информацией, автор торопится обо всем рассказать сразу, а иногда нужно чуть больше поработать с отдельными институциональными категориями, «помусолить понятия», четче сформулировать основные точки зрения. Такой подход встречается в книге, однако скорее в виде исключения (с. 243–244). Для докторской диссертации необходим более обстоятельный разбор точек зрения. У него, правда, очень деликатная ситуация, потому что очень часто придется ссылаться на одну и ту же фамилию. Это фамилия – Яковлев с инициалами А.А. Дело в том, что автор не только обобщает то, что делали другие. Он сам был активным участником многих дискуссий, и это очень трудно объективно отразить в автореферате, чтобы у людей не создавалось впечатление завышенной самооценки автора.

Третье несомненное достоинство книги – это язык, которым она написана. Материал книги тщательно подобран и логически правильно построен. Это – в значительной мере утраченная российская и сохраняющаяся еще на Западе традиция – писать о сложных вещах довольно просто. Кроме того, следует отметить наглядность, чрезвычайное обилие понятных схем. Как теоретик я знаю, как трудно представить наглядно (в простом рисунке или в несложном графике) многообразные, быстро меняющиеся события. В книге это удается и удается с блеском.

Книга соответствует высоким требованиям, предъявляемым ВАК к докторским диссертациям, и может быть защищена в этом качестве.

Е.А. ИВАНОВА

Презентация монографии А.А. Яковлева «Агенты модернизации» проходит не как обычно – сразу после выхода книги из печати, а спустя более чем полгода. Собственно, именно это и позволило устроить столь активное ее обсуждение – как выступающие, так и присутствующие на презентации были к ней внутренне готовы. Книга была прочитана, созрели ее оценки, появились вопросы к автору. Кроме того, еще до презентации началось активное обсуждение книги в СМИ и научных журналах, причем не только в российских, но и в зарубежных (последние лишь в исключительных случаях «балуют» российских авторов своим вниманием). Книгу-антологию четырех характерных явлений экономики первых десятилетий новой России – бартера, челночной торговли, «черного нала», коррупционного управления – внимательно изучали и ученые, и преподаватели, и практики бизнеса. 5 июня 2007 г. в газете «Ведомости» была опубликована рецензия на книгу д. и. н., проф. А.Д. Кузьмичева. Затем рецензия практика-экономиста А.Е. Абрамова (брокерская компания «АТОН») под названием «Путешествие от Рональдо

Коуза к Дени Родрику» появилась в «Российском журнале менеджмента» (Т. 5, 2007, № 2). В сентябре 2007 г. в журнале «Вопросы экономики» (2007, № 9) в разделе «Размышления над книгой» появилась статья чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера «Пятый элемент». И наконец, анонс книги был опубликован в журнале «Osteuropa» (Германия) на немецком языке.

Столь многочисленные отклики в прессе в сочетании с высоким научным уровнем монографии, ее хорошей редакционно-издательской подготовкой, качественным дизайнерским и полиграфическим исполнением не могли не привлечь к ней внимание широкого круга читателей. Книга вышла в двух изданиях – 2006 и 2007 гг. Первое издание было подготовлено в рамках Приоритетного национального проекта «Образование» и бесплатно распределялось по вузам, научным центрам и библиотекам России. Второе издание готовилось специально для продажи и поступило в книготорговую сеть по всем товаропроводящим каналам Издательского дома ГУ ВШЭ. Книга заслуженно пользуется высоким читательским спросом. Более полную информацию о книге можно получить на страничке Издательского дома на сайте ГУ ВШЭ (www.HSE.ru).

А.А. ЯКОВЛЕВ

Я очень признателен за все высказанные суждения и комментарии, поскольку эта книга действительно важна для меня как своего рода подведение итогов моих исследований последних десяти лет. В содержательном плане я хотел бы сделать три замечания, проясняющие мою точку зрения.

Первое замечание: мне самому действительно хотелось в большей степени сделать акцент на анализе реальных фактов и явлений, потому что в 1990-е и 2000-е годы (коллеги отчасти уже говорили об этом) у нас сложилось слишком много мифов и иллюзий. К сожалению, для этого были объективные причины. К моменту распада СССР вся система статистики и прочей экономической информации была чрезвычайно искажена, это было какое-то нагромождение мифов. Об этом еще в конце 1980-х годов писали Г. Ханин и В. Селюнин. Но еще более печальным было глубокое непонимание того, как функционирует советская экономика, какие интересы и стимулы движут ее хозяйствующими субъектами. Да, уже издавались переведенные на русский язык работы Я. Корнаи, еще раньше, в начале 1980-х годов, были опубликованы работы Ю. Яременко (к сожалению, малоизвестные сегодня). Но для абсолютного большинства реформаторов и экспертов были характерны иллюзии в духе программы «500 дней», предлагавшей за 1,5 года в корне изменить плановое хозяйство и построить в России современную рыночную экономику.

В результате проблемы и провалы 1990-х годов во многом предопределялись этими мифами и иллюзиями, которые в полной мере были характерны и для наших зарубежных советников. Стандартные рецепты Всемирного банка и МВФ в части макроэкономической стабилизации, приватизации и либерализации основывались на стандартных же предпосылках о реакции экономических агентов на

применение правительством определенных инструментов экономической политики. Однако все эти предпосылки имели мало отношения к условиям России начала 1990-х годов. Да, у нас были банки, биржи, страховые компании, акционерные общества — но все эти институты, в отличие от их западных аналогов, преследовали иные интересы и выполняли иные функции, не описанные ни в каких учебниках.

Для того чтобы объяснить, почему это происходило и какими стимулами в переходной экономике на самом деле руководствовались предприятия и домохозяйства, нужны были серьезные эмпирические исследования. Начиная с комплексного проекта «Мониторинг состояния и поведения предприятий», выполнявшегося по заказу Минэкономики в 1995–1997 гг., когда министром был Е.Г. Ясин, ВШЭ стала одним из ключевых центров таких исследований в России. И я искренне рад, что сейчас в Школе вместе со мной работают Т.Г. Долгопятова, В.В. Радаев, О.И. Шкаратан, В.Е. Гимпельсон и многие другие коллеги, активно проводящие эмпирические исследования поведения предприятий. Только на базе таких исследований можно было выстроить более адекватное объяснение явлений и процессов, происходивших в российской экономике, и предложить новые, более продуктивные идеи для экономической политики.

В этом контексте я видел свою задачу в накоплении и осмыслении фактов о развитии переходной экономики. Надеюсь, что моя книга как результат эмпирических исследований будет способствовать лучшему пониманию происходящего вокруг нас и, возможно, даст пищу для развития экономической теории.

Второе мое замечание касается оценки наших перспектив. Должен сказать, что наверное я в большей степени оптимист, чем другие участники сегодняшнего обсуждения. И основанием для этого являются те исследования, которые проводились мной и моими коллегами. Да, я не спорю с тем, что во власть сегодня пришло много людей из силовых и прочих структур, которые в конце 1980-х — начале 1990-х годов оказались отделены от власти. Сейчас они вернулись, они чувствуют себя обделенными и многое хотят наверстать — все это есть.

Но вот той закрытой экономики, того закрытого общества, в котором мы жили предшествующие 70 лет, их уже нет. И на мой взгляд, возвращение к ним в прямом виде уже невозможно, мы уже живем в другом мире. «Железный занавес», который действительно отделял нас от остального мира, уже невозможно воссоздать — слишком много иных каналов взаимодействия, начиная с Интернета и заканчивая всем остальным.

Почему важен этот момент изменения среды? Потому что эта изменившаяся внешняя среда даже наших не очень сильно изменившихся экономических агентов во многих случаях заставляет жить по-другому. В своей книге я привожу пример эволюции корпоративного управления. На самом деле в большинстве случаев для того, чтобы управлять предприятием в России, корпоративное управление не нужно. Наша практика 1990-х и 2000-х годов наглядно показала, что в российских условиях для реального контроля над предприятием нужно иметь 75% + 1 акция. Такой пакет в принципе позволяет игнорировать интересы всех остальных акционеров.

Однако, если сегодняшние российские крупные собственники хотят быть признаваемыми в мире, хотя бы их приглашали в соответствующие формаль-

ные и неформальные международные деловые клубы, оказывается, что для этого им нужно соблюдать определенные правила и определенные приличия. И если в международном бизнесе прилично иметь Советы директоров с участием независимых директоров, то их заводят. А вступив в подобные институты, люди начинают в какой-то мере их использовать. И выясняется, что в определенных случаях наличие независимого директора может быть полезно. От такого директора, который смотрит на ваш бизнес как внешний эксперт, подчас можно услышать какие-то более или менее здравые замечания. Кроме того, независимые директора необходимы для успешного размещения акций на международных фондовых биржах, что тоже становится «правилом хорошего тона» в крупном бизнесе.

Безусловно, это все процесс не быстрый, и коллега Поляков совершенно правильно говорил о неустойчивости и переходности наших институциональных форм. И тем не менее внешняя конкуренция, с которой мы сейчас постоянно сталкиваемся, оказывает здесь свое позитивное влияние.

Другой аспект связан с неоднородностью наших экономических и политических агентов. В своей книге я писал о специфических и очень инертных интересах среднего бюрократического слоя, которому на самом деле никакое развитие и модернизация особо не нужны, им после восстановления «вертикали власти» и так хорошо, они сидят на ренте и распределяют ее. Но сегодняшние российские лидеры, вышедшие вроде бы из этого самого среднего слоя отечественной бюрократии, будучи корнями оттуда, объективно оказываются вынуждены думать о развитии и модернизации. Почему? Потому что, оказавшись в составе «супер-элиты» (по определению А.Ю. Зудина), они хотят, чтобы в мире их воспринимали не как «главных людей в Гондурасе», а как лидеров великой державы. И им приходится, подчас вопреки узким корпоративным интересам, приведшим их к власти, думать о том, как создать в обществе и в бизнесе стимулы к модернизации и к развитию.

Иное проявление этой внутренней неоднородности – объективная конкуренция между регионами за ресурсы. Такая конкуренция была в советское время, она существовала и в 1990-е годы – когда региональные лидеры выторговывали себе дополнительные субсидии и полномочия в обмен на лояльность к федеральному центру и обеспечение электоральной поддержки на очередных выборах. Однако «разграничение полномочий» между центром и регионами в 2002–2003 гг. изменило ситуацию – у регионов забрали ресурсы, оставив многие обязательства. Одновременно исчезли возможности для давления на центр – президент Путин и так сверхпопулярен и за нелояльность к центру губернаторов просто снимают. Получение ренты от федерального центра теперь оказывается связано с гораздо большими издержками. В итоге, по крайней мере, у части регионов возникают стимулы к тому, чтобы конкурировать не за федеральные субсидии и трансферты, а за привлечение капитала и инвестиций. Это особенно заметно там, где происходит смена региональных элит и к власти приходят новые молодые амбициозные лидеры. Как правило, эти люди сами пришли из бизнеса и понимают его потребности, а значит, могут создать условия для экономического развития и модернизации в своих регионах.

Эти процессы также не являются безоблачными, нельзя рассчитывать на то, что все произойдет само собой, это, безусловно, не так. Существует очень много

неопределенностей, но вот эти моменты давления внешней среды (и экономической, и политической), а также наша внутренняя неоднородность дают поводы для оптимизма.

Третье замечание — о модернизации. Конечно, нужно более четко определять само это понятие, в том числе применительно к российским условиям. На микроуровне я и мои коллеги обычно рассматриваем модернизационные процессы через призму инвестиционной активности, а также технологических и организационно-управленческих инноваций. По данным наших опросов, одним из хороших индикаторов модернизационных процессов на уровне предприятий является прохождение международной сертификации на соответствие стандартам ISO-9001. Эта сертификация подтверждает качество бизнес-процессов и заниматься ею имеет смысл, если у предприятия есть долгосрочные планы развития и оно думает о выходе на новые рынки, прежде всего, экспортные.

И здесь мы выходим на существенное общее отличие нашей сегодняшней ситуации от того, что происходило 10 или 15 лет назад. Отличие, опять же дающее поводы для оптимизма.

Российская экономика 1990-х годов характеризовалась очень коротким горизонтом интересов. Люди думали о том, что будет через три месяца, через полгода, в лучшем случае через год. О том, что будет через пять лет, люди просто не могли думать — для этого не было реальных оснований. Все — и в политике, и в экономике — было слишком зыбко и неопределенно.

В этом контексте можно говорить о бизнесе, который был сконцентрирован на краткосрочном поиске и извлечении ренты. Но, к сожалению, на мой взгляд, еще большая проблема была на стороне государства, потому что самая длинная программа того времени — это уже упоминавшиеся «500 дней» Г. Явлинского. Все последующие среднесрочные программы правительства, которые номинально принимались на 2–3 года, реально действовали год-полтора. И бизнес это четко понимал и учитывал в своей стратегии поведения, поскольку у него не было никакой ясности, что будет с бизнес-средой и с институтами государственного регулирования за горизонтом этого года или полутора лет.

Что изменилось сейчас? Я считаю достижением и заслугой В.В. Путина и его коллег то, что с 2000 г. на стороне государства речь идет о существенно более долгосрочных планах. Можно обсуждать, насколько хороши эти планы, какие механизмы могут обеспечить их реализацию и т. д. Это отдельный вопрос. Но сам факт обсуждения перспектив и возможностей для долгосрочного развития (я мог наблюдать это обсуждение изнутри, в контактах с Минэкономразвития и другими правительственными структурами) следует рассматривать как позитивный. Эта позиция федерального центра заставляет других агентов (бизнес, региональные власти) думать о том, что будет происходить на более длинном горизонте. Тем самым создаются предпосылки для стыковки частных интересов отдельных групп в бизнесе и во власти с более широкими общественными интересами. Потому что такая стыковка может происходить, только когда мы говорим о длинном горизонте. На уровне коротких горизонтов это невозможно — мы наглядно видели это в 1990-е годы.

Я надеюсь, что ответил на заданные мне вопросы и хочу еще раз поблагодарить всех за участие в этом обсуждении.